

Талисман

Солнце заливало ослепительно ярким светом песчаную пустыню близ Мёртвого моря. Казалось, всё живое спряталось от палящих лучей, и лишь одинокая фигура всадника в белом плаще с красным крестом медленно двигалась по сыпучему песку.

Доспехи всадника мало подходили для путешествия по Палестине. Тяжёлая длинная кольчуга, закованные в латы руки и ноги, цилиндрический стальной шлем, длинный прямой меч, копьё со стальным наконечником, свисающая с луки седла булава и треугольный щит — всё это громоздкое снаряжение как бы бросало вызов климату той страны, где рыцарю приходилось воевать. Лишь обтрёпанный плащ, на котором в нескольких местах был вышит герб рыцаря — спящий леопард, немного защищал путника от солнечных лучей. А на испещрённом ударами щите можно было прочитать и девиз рыцаря: «Я сплю — не буди меня».

Наконец усталый путник разглядел вдалеке несколько росших у источника пальм и, с радостью, предвкушая отдых, направил коня к оазису... Но тут он заметил отделившуюся от пальм точку, которая стремительно двинулась ему навстречу. Вскоре по тюрбану, развевающемуся зелёному плащу и длинному копьё рыцарь опознал в мчавшемся на него всаднике сарацина. Рыцарь пришпорил коня и приготовился к поединку.

Атака мусульманина была стремительной, но безуспешной. Кружа вокруг христианина, сарацин никак не мог пробить его оборону. Рыцарь же, улучив момент, вдруг схватил булаву и метко бросил её в голову сарацина. И хотя тот успел прикрыться лёгким круглым щитом из кожи носорога, удар сбросил его с коня. В мгновение ока сарацин вскочил на ноги и был уже в седле. Он отъехал на безопасное расстояние, воткнул копьё в песок и ловко натянул тетиву лука. Седьмая по счёту стрела попала в цель, и христианин тяжело рухнул на землю. Но когда мусульманин сошёл с коня, чтобы посмотреть, что случилось с поверженным врагом, он очутился в его железных объятиях. Лишь ловкость и присутствие духа спасли легковооружённого воина от медвежьей хватки закованного в латы рыцаря.

В конце концов мусульманин поднял руку и заговорил на лингва-франке, языке общения крестоносцев и сарацин:

— Между нашими народами сейчас заключено перемирие. Пусть наступит мир и между нами!

— Я согласен, — отозвался рыцарь. — Клянусь крестом, что буду тебе верным товарищем, пока наши пути не разойдутся.

— Клянусь Аллахом и пророком Мухаммедом, — сказал сарацин, — в сердце моём не будет измены.

И недавние враги бок о бок поехали к виднеющимся неподалёку пальмам.

После короткого отдыха в тени оазиса они сели на коней и продолжали путь через песчаную пустыню.

— Простишь ли ты меня, если я спрошу твоё имя? — произнёс долго молчавший сарацин.

— Я известен под именем Кеннета — Рыцаря Спящего Леопарда. А к какому арабскому племени принадлежишь ты и каким именем тебя называть?

— Хотя я и не араб, но происхождение своё веду от рода не менее воинственного. Я Шееркоф, Горный Лев, и в Курдистане, откуда я происхожу, нет рода более благородного, чем род сельджуков. Позволь заметить, что опасно разъезжать в этих местах, не имея охранной грамоты, любой мусульманин может прервать твой путь, — заметил сарацин.

— Я направляюсь к святому человеку по имени Теодорих Энгаддийский, и у меня есть грамота с подписью и печатью самого Саладина, султана Египта и Сирии, — ответил ему рыцарь.

Скоро ландшафт, окружающий путников, заметно изменился. Они приблизились к крутым горам, с обеих сторон дороги появились скалистые вершины, глубокие ущелья и труднопроходимые тропинки. Внезапно какой-то высокий человек, одетый в козлиные шкуры, выскочил на середину тропы и вцепился в узду коня сарацина. Конь взвился на дыбы и сбросил всадника. Нападавший навалился на отбивающегося сарацина, а тот сердито закричал:

— Хамако, дурак ты этакий, отпусти меня! Как ты смеешь! Отпусти, или я заколю тебя кинжалом! — и потом обратился к Кеннету: — Это и есть тот отшельник, которого ты собирался навестить.

— Этот сумасшедший? Не может быть!

— Я — Теодорих Энгаддийский, светоч в пустыне, бич неверных! Лев и леопард станут моими друзьями и будут укрываться в моей келье... — отцепившись от сарацина, гордо произнёс высокий человек.

Рыцарь и сарацин, приглашённые таким необычным образом в келью святого, последовали за отшельником по крутым тропинкам. Дойдя до его пещеры, они полностью выбились из сил. Воины помолвились, скудно поужинали и сразу провалились в сон.

Глубокой ночью отшельник разбудил Кеннета и тихо спросил:

— Ты привёз мне привет от Ричарда Львиное Сердце, короля Англии?

— Я послан Советом христианских монархов, — ответил Кеннет. — Король

Англии тяжело заболел лихорадкой, и меня не допустили к нему.

— Назови пароль! — потребовал отшельник.

Рыцарь Спящего Леопарда колебался, всё ещё не веря, что этот безумный — именно тот, кто ему нужен.

— Короли просят милостыню у нищего, — произнёс он наконец.

— Верно, — подтвердил отшельник. — Теперь давай послание.

Кеннет передал ему запечатанный свиток.

— Я думаю, ты заслужил увидеть величайшую реликвию, — немало поразмыслив, решил святой.

Сделав рыцарю знак следовать за собой, отшельник подошёл к стене в глубине пещеры и нажал на какую-то пружину. Бесшумно отворилась дверь, неразличимая в стене. Теодорих приказал Кеннету дальше идти одному.

Рыцарь начал подниматься по узкой лестнице. Наконец он остановился перед готической дверью, окованной толстым железом с большими гвоздями. Дверь открылась сама собой: во всяком случае, Кеннет никого не видел. Его ослепил луч яркого света, и он почувствовал сильный, почти дурмящий аромат дивных благовоний. За дверью оказалась небольшая, но богато украшенная часовенка. Серебряные лампы висели на цепях, прикреплённых к

потолку. Крестовые своды поддерживали шесть колонн, арки были украшены искусным орнаментом. В каждой из шести ниш напротив колонн стояла статуя одного из апостолов. В углублении за алтарём рыцарь заметил раку из чёрного дерева, напоминающую готический храм в миниатюре. В то время как он с любопытством разглядывал её, двустворчатые дверцы распахнулись, и он увидел большой кусок дерева, на котором было написано на латыни: «Истинный крест». Кеннет в благоговении преклонил колени. И в этот момент на другом конце часовни открылась ещё одна потайная дверь, и мощные звуки ворвались под стрельчатые своды.

Затаив дыхание, всё ещё стоя на коленях в молитвенной позе, рыцарь стал ожидать последующих событий. В дверях появилась процессия. Сначала вошли четыре красивых мальчика, их бронзовая кожа резко выделялась на фоне белоснежных туник. Первая пара размахивала кадилами, вторая разбрасывала цветы. За мальчиками величественной поступью шли поющие девушки. Шесть из них, судя по одежде, были монахиням. Остальные шесть, в белых покрывалах, были обительницами монастыря, ещё не принявшими постриг.

Процессия шла по кругу, казалось, не обращая внимания на Кеннета. Но тут одна из девушек, скользнувших мимо рыцаря, оторвала розовый бутон от своей гирлянды и уронила к его ногам. Рыцарь вздрогнул, будто пронзённый стрелой. Сердце его забилось, словно птица, рвущаяся из клетки, — он узнал эту девушку. К тому же он опознал рубиновое кольцо на её белоснежном пальце.

Неужели здесь, в далёкой, дикой пустыне, он видит даму своего сердца — леди Эдит? Эта девушка была родственницей Ричарда Львиное Сердце, и Рыцарь Спящего Леопарда не смел даже мечтать о ней. Однако его любовь и молчаливое поклонение не остались незамеченными леди Эдит. Она наблюдала за ним на турнирах, она слышала, как прославляли его храбрость. И хотя её благосклонности добивались графы, герцоги и лорды, она отдала своё сердце бедному рыцарю. И вот он получил знак её благоволения — бутон розы...

Процессия вышла в дверь, и в часовне наступила звенящая тишина. Вдруг раздался скрип, и в полу открылся люк. Через мгнове-

ние из этого отверстия показалась полуобнажённая костлявая рука, сжимавшая светильник. Появился безобразный карлик с огромной головой и причудливо разукрашенным колпаком с тремя павлиньими перьями. В левой руке это странное существо держало нечто вроде метлы. Карлик свистнул, вызывая ещё кого-то из подземелья. Вторым существом была женщина, телосложением напоминавшая карлика. Кеннет стоял как зачарованный, пока эта уродливая пара подметала часовню. Дойдя до рыцаря, они осветили его и разразились громким, воющим смехом.

— Тише! — послышался голос отшельника. — Тише, дураки, убирайтесь вон! Ваша работа окончена!

Услышав это приказание, карлики сейчас же погасили светильники и оставили рыцаря в полной темноте. Открылась дверь, на пороге показался Теодорих, который взял рыцаря за руку и отвёл вниз.

Когда Кеннет проснулся, его приятеля-сарацина уже не было. Отшельник сказал ему:

— Звёзды открыли мне, что у известного тебе оазиса ты встретишь лекаря, которого направил к Ричарду его благородный соперник Саладин. Отвези врача к королю, и лев будет исцелён.

Кеннет в точности выполнил его приказание. Вернувшись в лагерь крестоносцев, Рыцарь Спящего Леопарда подошёл к лорду Томасу де Во, правой руке короля.

— Милорд, — сказал Кеннет, — я привёз с собой мавританского лекаря, который берётся излечить короля Ричарда.

— Мавританского лекаря? — повторил де Во. — А кто поручится, что он не привёз какую-нибудь отраву вместо лекарства?

— Он предлагает в залог собственную жизнь. Саладин, которому никто не откажет в мужестве и благородстве, прислал своего лекаря с почётной свитой, стражей и конвоем, подобающими тому высокому положению, которое занимает эль-хаким — так сарацины называют своих врачей. Саладин шлёт Ричарду пожелания скорейшего избавления от лихорадки, с тем чтобы встретиться с ним на поле боя.

— Поразительно! — воскликнул де Во. — Могу ли я спросить вас, сэр рыцарь, а вы-то как вмешались в это дело?

— Мне было поручено, — сказал Кеннет, — во время паломничества по святым местам вручить послание отшельнику энгаддийскому. И тот предсказал мне, что я встречу лекаря, который спасёт короля. Кроме того, мой оруженосец недавно заболел такой же лихорадкой, что и Ричард. Не прошло и двух часов, как этот эль-хаким дал больному лекарство, и тот впал в спокойный, исцеляющий сон.

Де Во поднял глаза на шотландца и наконец спросил:

— Могу я повидать вашего больного оруженосца, дорогой сэр?

Палатку Кеннета сторожила большая борзая. Де Во, страстный любитель охоты, оценил красоту и силу собаки, её широкую грудь, крепкую спину, чёрную шерсть с сероватыми пятнами на груди и ногах. Пёс сначала глухо зарычал, но при виде хозяина завилял хвостом. Внутри шатра, рядом с постелью больного оруженосца, по восточному обычаю скрестив ноги, сидел мавританский лекарь, о котором говорил Кеннет. При тусклом свете его трудно было разглядеть. Можно было лишь разобрать, что нижняя часть его лица скрыта длинной чёрной бородой, голова покрыта круглой татарской барашковой шапкой, а на тело накинут тёмный широкий турецкий кафтан.

Убедившись, что оруженосец действительно выздоравливает, лорд де Во решил рассказать о лекаре королю Ричарду.

— Странная история, сэр Томас, — молвил больной король, выслушав его доклад. — Ты уверен в благонадёжности этого шотландца?

— Он выглядит правдивым, а слава его как воина хорошо известна. Меня смущает, что он был послан к старому энгаддийскому отшельнику с посланием, о котором отказался мне сообщать.

— Проклятие! — воскликнул Ричард, вскакивая с постели. — Кто посмел отправить кого-то в Энгаддийский монастырь в тот момент, когда моя королева со свитой молилась там о моём выздоровлении?

— Его послал Совет монархов, милорд. И уже на обратной дороге он встретил личного лекаря Саладина, направляющегося к тебе с посланием султана.

— Хорошо, я приму этого лекаря, полагаясь на благородство Саладина. Но сначала позови шотландца.

Кеннет вошёл в королю, преклонил колени, затем поднялся и встал в позе почтительного внимания, но отнюдь не покорности.

— Я хочу знать, сэр, — начал Ричард, — зачем вы предприняли путешествие к Энгаддийской пещере?

— По повелению Совета монархов святого Крестового похода, — отвечал рыцарь. — Я передал отшельнику письмо, в котором этого святого человека, уважаемого и защищаемого самим Саладином, просят содействовать переговорам.

— Так я и знал, что за моей спиной Совет хочет вывести наши войска из Палестины. Но, к счастью, я ещё не умер. Но мне по нраву твои честность и храбрость. Я хочу проверить твою верность королю. Поручаю тебе сегодня караулить знамя Англии. Сторожи его, как новичок бережёт свои доспехи в ночь перед посвящением в рыцари. Не отходи от знамени дальше, чем на расстояние трёх копий, и защищай своим телом от нападения и оскорблений. А теперь зови этого арабского лекаря.

Эль-хаким, уже успевший узнать о симптомах болезни короля, долго и с большим вниманием щупал пульс Ричарда. Мудрец наполнил чашку ключевой водой и погрузил в неё небольшой красный мешочек, который вытащил из-за пазухи. Когда врач решил, что лекарство готово, он предложил чашу с водой монарху. Ричард залпом осушил чашу до дна, затем откинулся на подушки. Лекарь выразительным жестом дал понять, чтобы все ушли и дали королю поспать. Шатёр опустел.

Была полночь, и шотландец Кеннет одиноким часовым стоял у знамени Англии на холме в центре лагеря крестоносцев. Около древка лежал его пёс по кличке Росваль. Кеннет знал, что пёс предупредит его о приближении врага. Вдруг собака отчаянно залаяла и кинулась было в густую тень, но остановилась, ожидая приказа хозяина.

— Кто идёт? — спросил Кеннет, заметив, что кто-то крадёт к холму.

— Во имя Мерлина, — отвечал хриплый, неприятный голос, — привяжите вашего четвероногого демона, чтобы я мог к вам подойти.

Из тени, как актёр на сцену, вышел крохотный человечек, в ко-

тором рыцарь узнал одного из двух карликов из Энгаддийской часовни.

— Я пришёл по повелению красавицы, которая шлёт тебе вот этот знак, — в руке карлика сверкнуло рубиновое кольцо. — Она потребовала немедленно проводить тебя к ней. Кеннет, разрываясь между долгом и любовью, наконец решил: я быстро вернусь, я услышу лай моего пса, если кто-нибудь подойдёт к знамени.

Карлик завёл его в проход между двумя шатрами, приказал ждать и исчез. Прошло несколько минут, и Кеннет услышал, как шепчутся две женщины:

— Неужели поклонник Эдит пришёл? Он покинул свой пост, забыв о долге ради любви — значит, можно считать, что я выиграла спор. Давай же позовём леди Эдит, пусть полюбуется на доблестного рыцаря.

Кеннет с ужасом узнал голос королевы и понял, что возлюбленная никуда его не звала. Королева просто его разыграла. И тут он услышал отчаянный, громкий лай, за которым последовал предсмертный вой. Кеннет кинулся к своему благородному псу и через несколько минут был уже на холме. В этот момент луна вышла из облаков, и Кеннет увидел, что знамя Англии исчезло, древко его валяется сломанным, а рядом лежит его верный пёс. Рыцарь Спящего Леопарда попытался вытащить из раны пса обломки стрелы, но было ясно, что Росваль умирает. Вдруг за его спиной раздался голос эль-хакима:

— Для мудреца нет разницы, кого лечить: оруженосца, короля или пса. Позволь мне осмотреть животное.

Врач внимательно осмотрел рану Росваля, затем достал ящик с инструментами, вынул осколки стрелы и бинтами остановил кровотечение. Пёс всё это время лежал спокойно, как будто понимая, что тот спасает ему жизнь.

— Это животное выздоровеет, — сказал эль-хаким. — Позволь мне перенести его в мой шатёр.

— Возьми его с собой, — решил рыцарь, — Я недостойн такого пса. Собака, которая умирает, выполняя свой долг, лучше человека, который остаётся жить, изменив своему долгу. К тому же мне скоро уже ничего не понадобится.

— Беги от гнева Ричарда в стан мудрого Саладина, — предложил эль-хаким. — Я хочу открыть тебе тайну. Война скоро закончится, Саладин намерен скрепить священным союзом договор между мусульманами и крестоносцами, сделав своей супругой христианскую девушку — родственницу короля Ричарда, известную под именем леди Эдит Плантагенет.

— Не может быть!

— Разве в Испании мусульманские принцы не женятся на благородных христианках и это ни у кого не вызывает негодования? Ты мог бы пригодиться Саладину, рассказав ему о браке христиан, о ваших традициях и законах.

— Эль-хаким! — твёрдо произнёс шотландец. — Ты хороший человек. Ты спас жизнь моему бедному оруженосцу, королю Англии, а сейчас лечишь моего пса... Но я не буду избегать кары за своё преступление. После твоих слов мне вовсе не хочется жить.

С этими словами Кеннет швырнул свой шлем и зашагал вниз с холма, направляясь к шатру Ричарда.

Король пришёл в ярость, узнав, что случилось. Кеннет был заключён под стражу и готовился к казни. Но его судьба, как оказалось, волновала многих людей. Сначала в ноги королю бросились королева и леди Эдит, потом отшельник Теодорих, оказавшийся в этот момент в лагере и принявший исповедь Кеннета... Ричард Львиное Сердце был неумолим. И тогда в шатёр короля пришёл эль-хаким.

— Я вылечил тебя от смертельной болезни и вправе ожидать награды. Отдай мне жизнь шотландца, — потребовал лекарь.

— Что тебе его судьба? — удивился Ричард.

— Придётся тебе рассказать... Лекарство, которое вылечило тебя, — это талисман. Я погружаю его в сосуд с водой, выжидая благоприятного часа, чтобы напоить ею больного, и чудодейственный напиток исцеляет. Такие талисманы создаются лишь малым числом посвященных в тайну. Мучительные обряды, посты и покаяния должны быть уделом мудреца, который прибегает к этому способу лечения. И если он не сумеет исцелить двенадцать человек в течение каждого месяца, талисман теряет свои свойства. При этом самого врача и его последнего больного вскоре постигнет не-

счастье, оба они не проживут и года. Сейчас месяц заканчивается, и до двенадцати мне не хватает одной жизни, государь. Пусть это будет жизнь шотландца.

— Выйди в лагерь, добрый лекарь, там ты найдёшь предостаточно больных, — сказал король. — Но не пытайся отнять у моего палача его жертву.

— Я не могу тебе объяснить, но, великий король, пощадив этого человека, ты избавишь себя от большой опасности.

Ричард в гневе отвернулся, скрестил на груди руки и принялся ходить по шатру. Наконец король воскликнул:

— Неблагодарный! Хорошо, эль-хаким, ты выбрал себе награду. И хотя я предпочёл бы, чтобы ты попросил бриллиантов и золота, я не могу отказать тебе. Бери шотландца, считай его своим рабом и распорядись им, как хочешь. Но пусть он остерегается показываться мне на глаза.

Несчастный Рыцарь Леопарда, ставший теперь рабом, последовал за своим новым хозяином в мавританский шатёр. В состоянии оцепенения, ничего не слыша и не видя, он улёгся на подстилке и затих.

На следующий день лекарь со свитой и Рыцарем Леопарда покинули лагерь крестоносцев. Единственное, на что отреагировал Кеннет, — собачий вой, который доносился из корзины, притороченной к седлу верблюда. Шотландец узнал верного пса и прошептал:

— Бедный Росваль, я не подам вида, что интересуюсь тобой. Мне всё равно нечем отплатить за твою верность.

Вскоре мавританский караван достиг знакомого Кеннету оазиса близ Мёртвого моря. Лекарь подъехал к рыцарю и предложил ему выпить целебной настойки, чтобы подкрепить силы. Шотландец безропотно проглотил напиток и, улёгшись под пальмой, провалился в такой глубокий сон, что казалось, будто жизнь покинула его тело.

Очнувшись, рыцарь увидел, что лежит внутри большого шатра на роскошной восточной тахте, одетый в широкий шелковый халат. Полог палатки запахнул, и вошел эль-хаким. И тут Кеннет с удивлением узнал в нём своего давнего приятеля — Шееркофа, Горного Льва.

— Неужели ты, — усмехнулся сарацин, — удивлён тем, что воин разбирается в искусстве врачевания? Настоящий рыцарь должен уметь чистить своего коня, а не только управлять им, ковать свой меч на наковальне, а не только пользоваться им в бою, уметь лечить раны столь же хорошо, как и наносить их.

Кеннету нечего было на это ответить.

— Я помогу тебе вернуть доброе имя, разоблачив вора, укравшего английское знамя. Но за это ты должен передать леди Эдит письмо от Саладина. Не хмурь брови и не беспокойся. Послание написано с глубочайшим уважением, и слова султана не оскорбят слух прекрасной родственницы английского короля.

Кеннет долго колебался, искушение было велико, и он согласился.

— Теперь пойдём ко мне в шатёр, — добавил Шееркоф. — Скоро ты сможешь свободно ходить по лагерю крестоносцев, и никто тебя не узнает.

Прошло уже четыре дня, как Кеннет был увезён из лагеря крестоносцев. Король Ричард сидел у себя в шатре, когда слуга сообщил, что его ждёт гонец от Саладина.

В палатку ввели посланца султана — им оказался нубийский раб, обладавший замечательной внешностью: прекрасного роста, величественно сложенный, с властными чертами лица. Он был чёрен, как смола, в остальном его облик не имел негритянских черт. Голову его покрывала белоснежная чалма, а с плеч ниспадал короткий плащ, из-под которого виднелась куртка из леопардовой шкуры. Широкий прямой меч в ножнах, отделанных змеиной кожей, висел у него на поясе. В левой руке на поводке из золотых и серебряных нитей нубиец держал благородного охотничьего пса огромных размеров.

Гонец простёрся ниц, затем протянул королю письмо Саладина.

Ричард развернул послание и прочитал: «Саладин, царь царей, — Ричарду, Льву Англии. Ты прислал нам двух карликов, необычайных в своём уродстве. В ответ на это посылаю тебе нубийского раба. Он ревностен в исполнении приказов и мудр, чтобы подать совет. Но сначала научись понимать его, так как он нем. Я дал ему поручение передать письмо твоей родственнице — леди Эдит, если ты, конечно, позволишь ему сделать это».

Послание было скреплено подписью и печатью султана.

Ричард долго рассматривал раба, потом потребовал:

— Вот тебе первое задание — почисти мои доспехи.

В то время как монарх и его новый слуга занимались своими делами, в толпу английских воинов замешался один человек. Среди беспечной охраны скользила фигурка невысокого старого турка-дервиша в бедной одежде, одного из тех фанатиков, которые иногда отваживались заходить в лагерь крестоносцев. Не привлекая ничего внимания, дервиш скользил по лагерю, как змея, пока не очутился в десяти ярдах от шатра Ричарда.

— Танцуй, дервиш! — закричала охрана, знавшая повадки этих странствующих фанатиков.

Дервиш, как будто обрадовавшись приказу, закрутился вокруг себя в дикой головокружительной пляске. Посмотреть на это зрелище вышел и король. Вдруг старик молниеносно прыгнул вперед и, очутившись позади короля, замахнулся кинжалом. Но нубиец, давно наблюдавший за дервишем, успел схватить убийцу за руку, прежде чем тот нанёс удар, при этом кинжал фанатика оцарапал раба. Тут подоспел и сам Ричард, одним ударом сразивший врага. Повернувшись к нубийцу, Ричард увидел, что тот осел на пол.

— Кинжал был отравлен! — воскликнул король. — Кто-нибудь высосите яд из раны, он опасен лишь при смешении с кровью.

Но охранники нерешительно переглянулись, никто не хотел рисковать своей жизнью.

— Хорошо, — произнёс Ричард, — я никогда не приказываю сделать то, что не смог бы сделать сам.

И английский король прижался губами к ране чёрного раба, смеясь над страхом своих воинов. Ричард прекратил своё необычное занятие лишь тогда, когда сам нубиец отодвинулся от него и набросил на руку шарф. Ричард как-то странно взглянул на нового слугу и, прогнав всех из шатра, сказал:

— Мой темнокожий друг, по мнению султана, ты хороший советчик... Я дам тебе столько золота, сколько ты весишь, если ты сумеешь указать мне вора, укравшего английское знамя. Ты берёшься раскрыть это дело?

Нубиец отчаянно закивал головой и, жестами попросив бумагу и чернила, написал на лингва-франке: «Если твой раб будет стоять

там, где перед ним один за другим пройдут вожди крестоносного воинства, вор будет уличён, хотя бы он прятался под семью покрывалами».

Ответ удовлетворил Ричарда, удивлённого необычной образованностью раба.

— Как раз завтра все вожди крестоносцев собирались пройти мимо моего нового стяга и воздать ему положенные почести. Там-то ты и разоблачишь негодяя.

На следующий день, окружённый доблестными пэрами Англии и Нормандии, Ричард Львиное Сердце стоял на вершине холма рядом с новым английским знаменем. Войска всех европейских стран во главе со своими военачальниками шли колоннами мимо холма. И всякий раз, как появлялись войска нового государства, их предводитель поднимался по склону и приветствовал Ричарда и знамя Англии.

Но когда на холм поднялся Конрад, маркиз Монсерратский, возглавлявший колонну из тысячи отважных страдиотов — воинов венецианской лёгкой конницы, пёс нубийца со злобным рычанием рванулся вперёд и стащил маркиза с седла.

И сразу над холмом прозвучал звучный голос Ричарда:

— Конрад, маркиз Монсерратский, я обвиняю тебя в предательстве! Это бессловесное животное благодаря своему инстинкту выдвинуло против тебя обвинение в том, что ты ранил его и подло надругался над Англией. В моей стране устроили бы поединок между обвинителем и обвиняемым, дабы суд Божий выяснил виновника. Но было бы нечестно рисковать жизнью славного пса, поэтому вот моя собственная перчатка...

Но тут подошли остальные вожди крестоносцев и воспротивились такому поединку. Ведь Ричард как предводитель всего войска не имел права рисковать своей жизнью. Чтобы покончить со спорами, Филипп Французский предложил английскому королю выбрать вместо себя рыцаря, который будет участвовать в поединке с Конрадом. Ричард же решил пригласить на бой великодушного и благородного Саладина, чтобы тот выступил свидетелем суда Божьего.

Вернувшись в свой шатёр, Ричард вызвал к себе нубийца:

— Тебе предстоит вернуться в лагерь султана и отвезти ему письмо с приглашением на рыцарский поединок. Мне кажется, что в его лагере есть один христианский воин, который с радостью сразится с этим предателем, маркизом Монсерратским. И кстати, ты ещё не видел Эдит Плантагенет? Я разрешаю тебе передать ей послание от Саладина.

Леди Эдит, скорбя по Рыцарю Спящего Леопарда, была одета в платье тёмного цвета. Она почти вплотную подошла к неподвижному как изваяние рабу, которого ввели в её шатёр. И потом с печалью в голосе заговорила:

— Неужели это вы, храбрый Рыцарь Леопарда, доблестный сэра Кеннет Шотландский? В этом рабском обличье, окружённый тысячью опасностей...

Рыцарь был в отчаянии, что ему приходится разыгрывать роль немого во время столь знаменательной для него встречи. Наконец он справился с волнением и вручил девушке письмо султана, завёрнутое, как обычно, в тонкий шёлк и золотую парчу. Она быстро пробежала глазами письмо Саладина и горько рассмеялась:

— Передай Саладину, что излияния язычника вызывают у Эдит Плантагенет лишь презрение.

Она бросила письмо на пол и наступила на него ногой.

Через пять дней у оазиса близ Мёртвого моря, на одинаковом расстоянии от христианского и сарацинского лагерей, было огорожено место для поединка, возле которого собрались воины двух армий. Два доблестных монарха одновременно соскочили с лошадей. Войска замерли, музыка внезапно прекратилась. В глубокой тишине доблестные воины сделали несколько шагов навстречу друг другу и вежливо поклонились.

После приветствий и пожеланий здравия Ричард сказал:

— Надеюсь, я увижу здесь твоего мудрого лекаря. Мне за многое следует его отблагодарить, и я привёз ему небольшой подарок.

Пока он говорил, Саладин сменил чалму на татарскую шапку, и англичанин увидел прямо перед собой эль-хакима.

— Надо же, — воскликнул Ричард, — я и не признал в учёном лекаре царственного брата! Так это благодаря твоему вмешательству Рыцарь Леопарда избежал смерти. И, вероятно, благодаря тво-

ему искусству он неузнаваемым вернулся в мой лагерь. Я случайно понял, что цвет его кожи неестественен. И потом, присмотревшись, догадался об остальном. А ты знаешь, что его дерзкая любовь к высокородной девушке стоит на пути твоих собственных планов?

— Рыцарь Спящего Леопарда сейчас очень взволнован и готовится к поединку. Что же касается его любви, она существовала ещё до того, как возникли мои планы... Если дама предпочла его мне, кто будет утверждать, что она выбрала менее благородного рыцаря?

Наступил назначенный час, заиграли трубы, и два рыцаря в полном вооружении въехали на ристалище. По знаку султана оба противника вонзили шпоры в бока своих лошадей и отпустили поводья. Копьё сэра Кеннета пробило щит, пластинчатые латы миланской стали, кольчугу, глубоко вонзилось Конраду в грудь и вышибло маркиза из седла. Монархи и рыцари столпились над поверженным.

— Талисман... твоё могущественное средство, царственный брат, может ему помочь? — спросил Ричард Саладина.

— Преступник заслуживает, чтобы его повесили, а не лечили, — ответил султан.

Когда умирающего Конрада унесли с ристалища, во внезапно наступившей тишине раздался голос Ричарда Львиное Сердце:

— Храбрый Рыцарь Леопарда, ты доказал, что эфиоп может сменить свою кожу, а леопард — потерять свои пятна. Сегодня закончатся твои перевоплощения. Друзья мои, с этой арены уйдёт не сэр Кеннет, а Дэвид, граф и наследный принц Шотландии, — достойный претендент на руку леди Эдит Плантагенет!

Со всех сторон послышались изумлённые восклицания, а Эдит вскочила со своего места.

— Как вы знаете, — продолжил Ричард, — Шотландия обещала послать своих самых смелых и благородных рыцарей во главе с этим доблестным графом в Палестину, но не сдержала своего обязательства. Благородный юноша счёл недостойным отказаться от участия в священной войне и присоединился к нам в Сицилии с небольшим отрядом преданных сторонников. Почти все посвящённые в тайну наследного принца погибли. А я лично чуть не погубил

одного из благороднейших наследников европейского королевского дома, думая, что он безвестный шотландец. Но несколько писем из Англии да старый слуга принца раскрыли его тайну. Приветствую тебя, принц Шотландии, и восхищаюсь твоим мужеством и стойкостью.

Саладин, который встал перед воинами двух армий, поддержал Ричарда:

— Я рад, что мой благородный друг оказался принцем, и теперь он сможет претендовать на руку любимой им женщины. Поединок закончился, виновник преступления наказан. Теперь же, благородный король Англии, мы расстанемся. Я знаю, что у тебя мало воинов для продолжения войны. И я не вправе уступить тебе Иерусалим, которым ты так жаждешь овладеть. Для нас, как и для вас, это святой город. Но любая другая просьба Ричарда к Саладину будет удовлетворена с такой же готовностью, с какой этот источник утоляет жажду всех путников.

И войско сарацин во главе с султаном покинуло оазис. Уже в Англии состоялось бракосочетание Дэвида, принца Шотландии, и Эдит Плантагенет. А Саладин прислал молодым в подарок свой знаменитый талисман. С его помощью в Европе было совершено множество исцелений, но ни одно из них не могло сравниться с теми, что удавались самому Саладину.